

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ*

Царство антихриста**

Большевики, Европа и Россия***

«Большевизм и Россия», — если так ставился вопрос еще недавно, то теперь уже не так. Не «большевизм и Россия», а «большевизм, Европа и Россия», — вот как сейчас он поставлен всемирно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

* *Дмитрий Сергеевич Мережковский* (1865–1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель. Муж поэтессы Зинаиды Гиппиус. Яркий представитель Серебряного века, вошёл в историю как один из основателей русского символизма, основоположник нового для русской литературы жанра историсофского романа, один из пионеров религиозно-философского подхода к анализу литературы. Философские идеи и радикальные политические взгляды Мережковского вызывали резко неоднозначные отклики, но даже оппоненты признавали в нём выдающегося писателя, жанрового новатора и одного из самых оригинальных мыслителей XX века. Мережковский (начиная с 1914) был 10 раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

** *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken, 1921.

*** Впервые: Общее дело (Париж). 1921. 26–29 января. № 195–198.

Между нынешней Россией, большевистскою, и Россией будущей, освобожденною, Европа, хочет того или не хочет, будет вдвинута. Сколько бы не отрещивалась от «вмешательства», — рано или поздно, вмешается, двинется.

Как интернационален, в существе своем, в Интернационале, сам большевизм, так и борьба с ним должна быть интернациональною, всемирною. Когда последний русский национальный фронт пал или ушел в глубь России, в неизбежную революцию, — это яснее, чем когда-либо. Национальный фронт пал — обнажился фронт всемирный.

Этот час, когда я с вами говорю, есть час всемирности, и это место, где я с вами говорю, — есть место всемирности: Париж — город всемирный по преимуществу. Вот почему, если когда-либо, то отныне, и если где-либо, то отсюда, борьба с большевизмом должна, сделаться всемирной.

Да, между большевизмом и Россией будет вдвинута Европа. Это очень трудно понять европейцам. Но, как им ни трудно, — мы, русские, должны сделать, чтобы они наконец это поняли.

Европейцы этого не поймут, пока мы, русские, сами не поймем, что большевизм может быть побежден только «Третьей Россией».

Что такое Третья Россия?

Россия первая — царская, рабская; Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная.

Но, прежде чем говорить о существовании Третьей России, должно сказать о ведущих к ней путях.

На этих путях все русское изгнание, русское «рассеяние», уже подобное великому рассеянию Израиля — diaspora — делится надвое: на знающих и не знающих о том, что сейчас происходит в России.

Не застигнутые полднем большевистского ужаса в самой России, успевшие бежать, — не знают всего, а не знают об этом всего — ничего не знают. Кто этого сам не видел, не испытал, не пережил, тот никогда ничего не узнает.

Между знающими и незнающими — черта, подобная черте смерти: живые — мертвых, мертвые живых не понимают. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Мы и вы — тот свет и этот.

О том свете мы вам ничего сказать не можем. Между нами и вами — стена стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главного. Главное свойство того, что сейчас происходит в России — немота, несказанность, неизреченность ужаса. Люди страдают страданию малому и среднему; слишком большому сострадать уже

не могут, потому что не видят его: так ультрафиолетовых лучей не видит глаз. Вся Россия сейчас — в таких лучах страдания невидимых.

Кто знает все, что сейчас происходит в России, — у того не рана в душе, а вся душа — рана; тот человек с содранной кожей. «Ничего, обрастешь, забудешь», говорите вы, незнающие; а мы говорим: не хотим обрастать, не хотим забывать. Будь мы прокляты, если забудем!

«Воскреснет же когда-нибудь Россия, — подождем», говорите вы; а мы говорим: никогда не дождетя России тот, кто ждал.

«Лучше большевики, чем то или это», говорите вы, а мы говорим: лучше все, чем большевики.

Для их свержения вы готовы жертвовать тем или этим, а мы — всем. С тем или этим вы у них соглашаетесь; а мы — ни с чем. Вы — мирящиеся; мы непримиримые.

«Не вмешивайтесь в русские дела», говорите вы, а мы говорим: невмешательство против большевиков — вмешательство за них.

Невмешательство — соглашательство — предательство, русское и всемирное.

Кто предал Россию большевикам и вот уже три года предает? Соглашатели — Ллойд Джордж один, и Ллойд Джорджи бесчисленные; Керенский один — и бесчисленные Керенские. Если Керенский вернется в Россию, то как встретят его? Растерзают? Нет, он сам рассыплется прахом.

Кто торговался о России «единой, неделимой» и мертвой, забыв о России живой и расчлененной, растерзанной? Все вы же, соглашатели, русские и всемирные.

Еще оттуда, из нашего гроба, погребенные заживо вместе с Россией, мы торг этот слышали, во время наступления Колчака, Деникина, Юденича, — торг о Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, и каждое условие торга вколачивало лишний гвоздь в наш гроб. Нет, этого мы вам никогда не забудем за себя и за всех, кто остался в России. Будь мы прокляты, если забудем, — говорим о себе. Говорим и о вас: будьте вы прокляты, уже забывшие!

Да, соглашатели суть предатели, пусть невинные, честные, благородные, но все же предатели, — ведь главное свойство Керенских и есть сочетание благородства с предательством.

Русский Париж — город соглашателей. Но не весь. Если бы весь, то с ним и говорить бы не стоило. Я с вами говорю, потому что верю, что там, где есть русские люди, есть и люди с содранной кожей, незарастающей; там где есть русские люди, есть и помнящие все, что сейчас происходит в России; не соглашатели, не предатели, — враги большевиков непримиримые. Я с вами говорю, потому что верю,

что среди вас непримиримых много, и будет все больше; а когда будут все, тогда большевизму конец, тогда будет Третья Россия.

Непримиримость — вот в Россию Третью путь единственный. Кто сошел с него, тот в нее не войдет. Не войти в Россию, не иметь в ней части — казнь мирящихся.

Мириться можно со злом относительным, с абсолютным — нельзя. А если есть на земле воплощение Зла Абсолютного — Дьявола, то это — большевизм.

«Ваш отец — дьявол. Он был человекоубийца от начала, лжец и отец лжи».

Большевики — сыны дьявола, лжецы и человекоубийцы от начала. Лгут и убивают, убивают и лгут. Покрывают ложь убийством, убийство — ложью. Чем больше лгут, тем больше убивают. Бесконечная ложь — человекоубийство бесконечное.

От начала солгали: «Мир, хлеб, свобода». И вот — война, голод, рабство. Такое рабство, такой голод, такая война, каких еще никогда на земле не бывало.

Лгут о революции — освобождении, а свободу называют «буржуазным предрассудком» (Ленин.) Но, если надо буржуазию уничтожить, то надо уничтожить и свободу. Это и делают: убивают свободу и покрывают убийство ложью. Лгут, что убили свободу на время, пока не восторжествует равенство. Но нельзя убить свободу на время. Убитая свобода не воскресает, пока живы свобододубийцы. Пока жив большевизм, свобода мертва.

Да, воистину, такого рабства никогда еще на земле не бывало. Доныне всякое человеческое насилие, порабощение было только частичным, условным и относительным, именно потому, что было только человеческим. Всякий поработитель знал, что делает зло. Большевики этого не знают. Так извратили понятия, что зло считают добром, добро — злом, «по совести» по своей нечеловеческой, дьявольской совести. И впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское.

Так же лгут и о хлебе. Не хлеб им нужен, а голод. Не борются с голодом, а голодом держатся: вся власть их зиждется на голоде. Давно уж поняли, что сытый народ бунтует, ищет свободы; а голодный покоряется и чем голоднее, тем покорнее. Давно уже поняли, что цепь голода — из всех цепей крепчайшая. Все человеческие страхи мгновенны и частны, по сравнению со страхом голода, общим и вечным. Огнем и железом пытаются одного человека, а человеческие множества — «массы» — голодом. Много смертей человеческих; у каждого человека — своя; но голодная смерть для всех одна. Когда и мать-земля не родит, то человек — сын, проклятый матерью. Проклятье земли тягчайшее.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах,
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях.

Так сейчас в России, так будет и во всей Европе, если пройдет по ней большевизм. Где конь этот ступит копытом, там трава не растет; где саранча эта сядет, там уже ни былинки, ни колоса. Съели Россию — съедят и Европу. Весь мир съедят. Вот для чего идут с востока на запад красные полчища. Не Троцкий ведет их, а полководец иной — апокалипсический всадник на черном коне с черным знаменем — Голод. И пулеметного огня в спину не нужно, когда гонит людей голод: если позади смерть, а впереди хлеб, то люди идут вперед и пройдут весь мир — не остановятся. Вот, в чем тайна красных «побед», этих чудес дьявольских.

Большевики и это давно уже поняли. Как победили Россию, так победят весь мир голодом. Исполнилось над нами слово пророка: «Умерщвляемые мечом блаженнее умерщвляемых голодом. Руки мягкосердечных жен варят детей своих, чтобы они были им пищею. Кожа наша почернела, как печь, от жгучего голода».

Погодите, народы Европы, слово это и над вами исполнится: если не обратитесь и не покаетесь, будет и у вас небывалое царство голода — царство дьявола.

Лгут о хлебе, лгут о свободе, но больше всего лгут о мире.

Мира жаждет ныне человечество, как умирающий от жажды жаждет воды. Но мира нет, и сейчас меньше, чем когда-либо, можно надеяться, что будет мир. На востоке Европы все еще бушует война; на западе буря как будто утихла, но страшная мертвая зыбь войны уносит полуразбитый корабль Европы в океан безбрежный, к новой буре, крушению новому, последнему. Как умирающий от жажды в пустыне, плетется человечество к источнику мира, а большевики забегают вперед и отравляют воду в источнике. Уже отравили, осквернили, сделали мир «похабным» для России и хотят сделать то же для всего человечества. Много у них грехов; но это — тягчайший. Вот за что им камень жерновный на шею, — за осквернение мира.

Лгут: все войны кончатся, и будет мир всего мира только тогда, когда внешняя война международная делается внутренней войной междуусобной, переродится в так называемую «борьбу классов».

Вот где этими сынами дьявола, лжеца и человекоубийца изначального, ложь и человекоубийство сплетены в крепчайший узел.

Идея «классовой борьбы», как основной социальной динамики, открыта не ими: вообще никаких идей не открыли они — безыдейность одно из главных их свойств. Идея эта принадлежит тому,

кого они считают своим пророком и учителем, Карлу Марксу. «В большевизме Маркс неповинен; Марксовы кости в гробу перевернулись бы, если бы он узнал, что большевики с ним делают». Утверждение это, ныне столь ходкое, следует принимать *cum grano salis*. Именно идея классовой борьбы, вплоть до всемирной войны междуусобной, поглощающей все войны международные, идея «классовой борьбы», в качестве единственно желанной и действительной революционной динамики, связывает большевизм с марксизмом, как пуповина связывает младенца с утробой матери. Именно по этой идее видно, что недалеко большевистские яблочки от яблони марксистской падают.

Хороша или дурна идея классовой борьбы, благородна или презренна, — мы, живые люди, участники борьбы, палачи или жертвы, кое-что знаем о ней, чего Маркс не знал, что и не снилось всем мудрецам социал-демократии. У них идея эта была только в уме; у нас — в крови и в костях: кровь наша льется, кости трещат от нее.

Мы знаем, что война междуусобная в неизмеримо-большей степени есть «война на истребление», чем все войны международные, и что это война бесконечная. Конец ее — взаимоистребление классов — еще менее возможен, чем истребление одного народа другим. Французы могли бы истребить немцев, и желтая раса — белую, потому что тут враг — видит врага в лицо, может отличить его от друга. Но как отличить буржуа от пролетария? Маркс думал, что это легко. Мы знаем, как трудно.

Два класса — не только два существа экономических, два тела, как думал Маркс, но и два духа. Класс на класс — дух на дух. Борьба двух начал духовных — антиномий метафизических — есть борьба безысходная и бесконечная. Тело истребить можно; но как истребить дух? Дух буржуазный таится и в пролетариях. И даже эти «буржуи» новые хуже старых. Дух неуловим, неистребим. Бесконечна война русских чрезвычайек с «буржуйным» духом, — какова же будет война чрезвычайек всемирных?

Да, по русской междуусобной войне можно судить о всемирной. Война междуусобная на международную — братоубийство на человекоубийство, огонь на огонь, больший на меньший. В войне международной — жар горящего дерева, в междуусобной — жар железа, раскаленного добела. В международной войне люди — звери; в междуусобной — дьяволы.

Такова тройная ложь большевиков — «мир, хлеб, свобода» — бесконечный голод, бесконечное рабство, бесконечная война — тройное царство дьявола.

О, я понимаю, как страшно о десятках, сотнях тысяч людей сказать не шутя, веря в реальное существование дьявола: «Все это сыны дьявола»! Но как это ни страшно, я именно так говорю. Так же говорил это Достоевский в «Бесах».

Что такое «бесноватость»? Для научного знания — душевная болезнь. Могут ли ею заболеть не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут.

Для знания религиозного бесноватость — больше, чем душевная болезнь: это — реальная одержимость дьяволом, предельное воплощение, реализация Абсолютного Зла в человеческой личности, не только в духе, но и в плоти. Человек становится воистину дьяволом. Могут ли быть бесноватыми не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут.

Если богочеловечество — основной догмат христианства, то обратная сторона этого догмата — бесочеловечество. Можно отвергнуть все христианство вместе с его основным догматом; но, приняв одну половину его, надо принять и другую.

Таков ужасающий реализм моего утверждения: большевики — сыны дьявола.

Но все ли большевики — сыны дьявола? Нет ли между ними и честных, добрых людей, даже «святых»? Вот вечный вопрос соглашателей.

Честных и добрых большевиков нет, а есть как будто честные и как будто добрые. Но эти еще хуже простых негодяев: чем лучше, тем хуже.

Разумеется, и честный и добрый человек может сойти с ума, сделаться зверем, дьяволом или идиотом, юродивым, даже как будто «святым». Но в сумасшествии уже нет человека, не только честного и доброго, но и какого бы то ни было: человек был и, может быть, снова будет, когда выздоровеет, но сейчас его нет.

Большевизм, как душевная болезнь, не столько умственная, сколько нравственная — *moral insanity*, и есть такой именно абсолютный провал человеческой личности, ее исчезновение абсолютное. В этом смысле, истинных большевиков, «честных» и «святых», к счастью, немного. Но это — самые страшные.

Единственное метафизическое оправдание большевистского дьявола, последний обман его, — равенство. Убивают братство, убивают свободу во имя равенства; да погибнет мир, да будет равенство.

Вопрос о большевистском равенстве — сложный и трудный, требующий ответа пространного. Но мой ответ будет краток. Того, кто слеп, потому что не хочет видеть, не убедят никакие ответы. Слепой, не видящий красного цвета, не увидит и белого: кто не знает свободы, не узнает и равенства.

Равенство в рабстве, в смерти, в безличности, — в Аракчеевской казарме, в пчелином улье, в муравейнике или в братской могиле, где труп равен трупу, так что не различишь, — и равенство в личности, в жизни, в свободе, в революции, — не одно и то же. Как соединить революционную Свободу с революционным Равенством, — в этом, конечно, весь вопрос. Большевики не только не разрешили его, но и не поставили; прошли мимо, не подозревая, что тут есть вопрос. Умно и преступно, или идиотски невинно, «свято» утверждают они равенство на свобододубийстве и братоубийстве. Но, убивая Братство, убивая Свободу, убивают и Равенство, потому что разделить их нельзя: эти три — едино: Свобода, Равенство, Братство — три лика одного Божества — Революции.

Свобода — мать Равенства. А большевики вырезают не рожденного младенца, Равенство, из чрева матери, Свободы. Большевизм — братоубийство, свобододубийство и убийство равенства — проклятая троица.

«Светом трижды светящим» — das dreimal glühende Licht — Пресвятою Троицей — заклинает и побеждает дьявола Фауст. Тем же светом и мы победим Красного Дьявола.

«Свобода, Равенство, Братство» — Пресвятая Троица в человечестве — этот «трижды светящий свет» загорелся впервые во Франции. Прав Гегель, утверждающий, что Французская революция есть «величайшее откровение христианства после Христа». Франция — святая земля Революции, ее купина неопалимая во всемирной истории. «Скинь обувь свою, ибо ты стоишь на земле святой».

О, я себя не обманываю, я знаю, что и здесь, во Франции этот огонь потухает, что и здесь святыня революции глубоко забыта, зарыта. Зарыта, но не потеряна; забыта, но жива. Жива Революция, пока жива Демократия, потому что у обеих одна душа — Свобода.

Нет, никогда не примирится святая земля Свободы со свобододубийцами. И если в последней борьбе с Красным Дьяволом где-либо вспыхнет всемирный очаг непримиримости, то именно здесь, во Франции.

Вот почему здесь, во Франции, здесь, в Париже, я с вами говорю об этой последней борьбе.

<...>

Если большевизм — не только политика, но и религия — религия дьявола, то и победа над большевизмом должна быть победой Бога над дьяволом. Это значит: существо Третьей России должно быть религиозным.

Нет никакого сомнения в том, что хозяином освобожденной от большевиков России будет русский крестьянин, мелкий зе-

мельный собственник, мелкий буржуй. Но повторит ли он европейского буржуа окаянного? Если да, то большевики правы: дни Европы сочтены, круг ее замкнут в повторениях бессмысленных. Но история бессмысленно не повторяется. Русский буржуй, чтобы оправдать свое существование, должен прибавить к европейскому что-то новое. Что же именно?

Европа, чтобы ни говорила и ни делала, все еще тождественна не только христианству, но и революции — величайшему откровению христианства после Христа. Изменив христианскому началу революции, утвердив свободу против Бога, против Христа — Абсолютной Личности, Европа провалилась в буржуизм окаянное, в капитализм, безличную собственность.

И русская революция, приняв от Европы ту же свободу анти-христову, провалилась в большевизм — безличное равенство. Чтобы выйти из этого провала, Россия должна сделать то, что Европа не сделала, раскрыть не только политическое и социальное, но и религиозное содержание Революции, утвердить свободу со Христом — Абсолютною Личностью. Проблему социального равенства, задачу, заданную людям Богом, в большевизме решает дьявол «борьбою классов», «гражданскою войною», братоубийством, как единственной социальной динамикой. Ту же проблему Третья Россия должна решить не войною, а миром, не братоубийством, а братством, не разделением, а соединением классов, обществ, государств, народов в союз всечеловеческий, в Интернационал Белый, революционно-преображенно-молниенно-белый, — в Церковь Христову Вселенскую.

Вот что должен сделать для Европы хозяин Третьей России, русский «буржуй», не окаянный, а святой, русский крестьянин-христианин, ибо русское крестьянство, что бы ни говорило и ни делало, все еще христианству тождественно.

Но не в первом и втором христианстве, не в православии и не в католичестве, а только в Христианстве Третьем, в «Третьем Завете», предсказанном от Мицкевича до Ибсена, всеми пророками святой Европы, «земли святых чудес», — только в Третьем Завете соединится Третья Россия с Третьей Европой. И в этом соединении вспыхнет всемирная революция, которая победит буржуино-большевистскую всемирную реакцию, вспыхнет «трижды светящий свет» — Свобода, Равенство, Братство.

Если будет Третья Европа, то недаром именно Франция сейчас, в своей непримиримости к большевикам — одна против всей Европы. Или нигде, или здесь, во Франции, в святой земле Революции, «величайшего откровения христианства после Христа», в земле «света трижды светящего» — Свободы, Равенства,

Братства, — здесь, во Франции, начнется Третья Европа, преображенно-революционно-молниинно-белая. Вот почему именно здесь, во Франции, здесь, в Париже, я говорю с вами о союзе Третьей России с Третьей Европой.

Я говорю не всем европейцам, а только французам: не милости мы просим у вас, а требуем верности общему делу. Мировая война не кончилась: гражданская война в России — продолжение, усиление этой войны — ее жарчайшее полмя. На бумаге наш союз с вами расторгнут, но не на деле. Мы требуем верности святому союзу военному и еще более святому союзу мирному. Мы требуем, чтобы вы спасали не нас, а себя от тройного царства Дьявола, апокалипсического «царства Зверя».

Это я говорю французам, а остальным европейцам вот что.

Страшна ли вам Россия красная? Нет, не очень? Ну, так погодите, страшнее будет — белая.

Железо, раскаляемое в горне, говорит огню: «Довольно, я уже красно». А огонь отвечает: «Погоди, будешь белым». Горн Божий раскалил Россию докрасна; раскалит и добела. Россия красная вас не жжет, европейцы; погодите, обожжет — белая.

Народам иногда прощается глупость, а иногда и подлость; но глупость и подлость вместе — никогда. То, что вы с нами делаете, — подло и глупо вместе. Это вам никогда не простится. Я знаю, вы скажете: «Не мы, а вы сами это сделали». Да, мы, но и вы. Если бы вы большевиков не поддерживали, — их бы давно уже не было.

«Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» Не мы их разобьем, а вы сами, — сами себе отомстите за то, что с нами сделали.

Вы захотели устроиться так, как будто нет России. И вот устроились, основались на землетрясении, а землетрясение, — оттого, что ось земли сдвинута тяжестью России «несуществующей».

Нам, русским, уже нечего терять и бояться нечего: лучше все, чем то, что сейчас. Если разразится мировая катастрофа, — мы можем надеяться, что выйдем из нее первые, и, когда вы, европейцы, только начнете болеть, мы уже исцелимся. Во время землетрясений деревянные постройки меньше страдают, чем каменные: ужасен был развал деревянной России; каков же будет развал Европы каменной!

Но да не будет этого. Мы не бежали бы из России в Европу, если бы не надеялись, что это может не быть. Горчайшую из всех судеб человеческих — судьбу изгнанников — мы для того и приняли, чтобы это сказать.

С изгнанныческим посохом в руках, путями горькими до смертной горечи, через бесконечные дали чужбины, мы идем к Отечеству, к России будущей. Мы говорим: России нет, — да будет Россия. На путях изгнания каждый шаг наш, каждый стон, каждый вздох пусть говорит: да будет Россия!

Вся земля, — как женщина в муках родов. По слову пророка: «Младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить». Это везде сейчас, но в России больше, чем где-либо.

Все человечество под ношею крестною. Но на России сейчас — самый острый край креста, самый режущий.

Глубина страдания неутоленного — глубина чаши ненаполненной. Никогда еще не подымало к Богу человечество такой глубокой чаши. И эта чаша — Россия.

Россия гибнущая, может быть, ближе к спасению, чем народы спасающиеся; распятая — ближе к воскресению, чем распинающиеся.

Пусть вера наша в Россию есть вера в чудо. Вера творит чудеса. Чудо сотворит и наша вера: России нет — Россия будет.

Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, — знайте!
И близко ее воскресенье.